

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Введение	14

Часть первая: 1870–1918 годы

1. Германия на рубеже XIX–XX веков: прогресс и его издержки	24
Экономический подъем	25
Изобретение мира заново	30
Динамика изменений в обществе	34
Восхищение прогрессом и кризис ориентации	44
2. Новая империя	75
Наследие Бисмарка	75
Новый курс	88
Германская империя — мировая держава	90
Стабильный кризис	105
Радикальный национализм	113
Перед войной	117
3. Власть войны	130
Начало войны	130
Дух и идеи 1914 года	134
Война на истощение	145
Военная экономика	152
Политическая конфронтация внутри Германии	164
Влияние Октябрьской революции	174
Мартовское наступление и крах	181
Первая мировая война в германской истории	191

Часть вторая: 1919–1933 годы

4. Революция и республика	198
Революция и движение конституционалистов	198
Восстание левых	208
Капповский путч и Рурское восстание	218
Репарации и политика исполнения Версальского договора	223
Перевернутый мир	225
Тотальный кризис	231
Хрупкая стабилизация	238
5. Германия в 1926 году: между войной и кризисом	249
Экономика в череде кризисов	249
Попытки социально-политического контроля	258
Классы, гендеры, поколения	261
Городская культура	273
Критика и контрпроекты	281
Виды на будущее	286
6. Уничтожение республики	288
Мировой экономический кризис	291
Радикальные левые	297
Крайние правые	300
Восхождение НСДАП и устранение парламента от власти	311
Варианты диктатуры	322
Решение в пользу Гитлера	329

Часть третья: 1933–1945 годы

7. Динамика насилия	336
«Захват власти»	336
Закрепление диктатуры	353
Политика в отношении евреев	358
Изменения в функции террора	370
Оружейный бум и борьба за рабочие руки	378
Первооружение и внешняя политика	387
Рабочие, крестьяне, буржуазия	397
Курс на войну	410
Хрустальная ночь	421
Канун войны	430
8. Разрушение Европы	437
Оккупационная политика	439
Польские евреи	446
Военная экономика и трудозатраты	452
Эвтаназия	460
Гегемония	467
Планирование войны	476
Операция «Барбаросса»	485
Переориентация на долгую войну	497
9. Германия в 1942 году: геноцид и народная общность	506
Хелене Хольцман	506
Карательные акции	509
«Окончательное решение еврейского вопроса»	519
Принудительный труд	542
Фольксгемайншафт в годы войны	549
Народные настроения и массовая культура	562
10. Крах	570
Отступление	570
Террор и тотальная война	575
Перспективы Сопrotивления	580
Война в Германии	593
Конец	601
После Третьего рейха	606

Посвящается Тило и Шарлотте

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наш сегодняшний день — единая Европа, но наша история по-прежнему уходит корнями в национальные государства и культуры, и это естественно, ведь и личный опыт, и общественные традиции, и политический выбор, и культурные ориентации, и все, что человеку близко и понятно в повседневной жизни, — все это, как и раньше, связано в первую очередь с той страной, где человек родился и где он живет. Так обстоит дело во всех европейских странах, хотя связь эта бывает разной степени интенсивности.

Но очевидно, что национальных рамок недостаточно для понимания истории XX века, потому что важные процессы и тенденции при ближайшем рассмотрении оказываются не специфически национальными, а общеевропейскими феноменами. Как же можно объяснять исторические явления, выходящие за рамки отдельных регионов, — от империализма до Европейского союза, от великих диктатур до распространения европейской модели социал-демократии, от классовых конфликтов 1920-х годов до молодежных бунтов 1960-х и от последствий мирового экономического кризиса до экономического чуда 1950-х годов и скачка цен на нефть в 1970-х — только в категориях национального государства, когда очевидно, что это на самом деле общие для многих стран фундаментальные процессы, а национальными являются только их варианты?

И все же в Европе продолжает доминировать такой взгляд на историю, при котором национальное государство ошибочно видится как естественная форма исторического развития, и люди, как правило, стремятся трактовать национальные различия и особые пути, случайности и расхождения как нечто первичное, а процессы конвергенции и унификации — как вторичные.

С другой стороны, рассматривать Европу в XX веке априори как нечто единое и рассказывать ее историю в таком ключе — не менее проблематичный подход, ведь при нем тот идеал единого общеевропейского общества, который и ныне еще не достигнут, проецируется на прошлое, словно европейцы и раньше по сути существовали в пространстве некоего единого опыта, а национальное государство было всего лишь растяннувшимся на последние сто пятьдесят лет отклонением от него. Рассказывать европейскую историю как единую — значило бы пренебрегать такими гигантскими контрастами между процессами развития национальных государств, которые сразу приходят на память, лишь только мы вспоминаем, например, даты «1917», «1933» или «1989». Но кроме того, это значило бы отрицать и возникшие вследствие несхожих исторических путей различия жизненного опыта людей: этот опыт несхож не только у представителей разных классов и полов, но — особенно в XX веке! — и у людей с разным гражданством и этнической принадлежностью. Просто невозможно понять XIX и XX столетия в Европе без учета особенностей истории национальных государств.

Чтобы уйти от этой дилеммы, серия «Европейская история в XX веке» пробует другой подход: истории европейских государств и обществ рассказываются каждая отдельно, но в то же время в контексте европейского развития и глобальных взаимосвязей. Чтобы усилить эту интеграцию, издатели серии и авторы договорились о единой структуре, которая — в более или менее четко проявленном виде — лежит в основе всех томов серии: повествование о политических, экономических, социальных и культурных процессах ведется в классической диахронической манере. Однако в некоторые исторические моменты, примерно одни и те же во всех томах, вставлены поперечные срезы, позволяющие представить состояние и условия в описываемом обществе синхронно и, таким образом, открыть возможность для сравнения его с другими странами. Такие срезы даны для времени около 1900 года, середины 1920-х годов, Второй мировой войны, середины 1960-х годов и периода после 1990 года. Отклонения от этой сетки обусловлены особенностями истории отдельных стран.

Благодаря этому решению в «концерте» томов серии появляется возможность увидеть различия и сходства, сближения и альтернативы, а национальные истории выводятся из замкнутого состояния, но при этом не упускаются из виду специфическая динамика каждой из них и самобытные традиции отдельных стран. При такой попытке совместить национальную историю с европейской перспективой многие читатели неизбежно сочтут, что чему-то уделено слишком мало внимания, да и вообще затея уместить рассказ об истории какой-либо страны в XX веке в один том требует определенной смелости. Но только в такой форме можно описать диахронные процессы и провести через столетие некие важные линии, которые иначе были бы неразличимы среди множества разных тем и аспектов.

Если мы говорим о «XX столетии», то это надо понимать во вполне определенном смысле. Уже стало традицией в историографии считать Первую мировую войну водоразделом между веками. Это имеет свои преимущества, поскольку позволяет лучше разглядеть традиции «долгого XIX века», действие которых сохранялось и после войны. Однако для того, чтобы рассказать историю XX века, необходимо принять во внимание динамику глубоких перемен, происходивших между 1890 и 1914 годами. Она за очень короткое время набрала такой размах, что все европейские общества оказались охвачены ею и вынуждены отвечать на обусловленные ею вызовы. Эта динамика наложила отпечаток и на последующие десятилетия. Поэтому всякий, кто берется описать и объяснить рост идеологических диктатур, две мировые войны, Холокост и деколонизацию, должен вернуться к двум десятилетиям, предшествовавшим Первой мировой войне, чтобы проследить утверждение индустриального капитализма и все более мощных государственных аппаратов, а также подъем крупных радикальных массовых политических движений, которые имели такой разрушительный эффект в XX веке. Таким образом, в книгах этой серии рассказывается история «долгого XX века», с 1890-х годов примерно до 2000 года, причем начальная его точка яснее, чем конечная.

Наконец, авторы и редакторы задались вопросом, как соединить две половины века, столь непохожие друг на друга, таким образом, чтобы были видны взаимосвязи между ними,

но при этом не умалялось бы значение глубокого разлома 1945 года. Здесь различия между отдельными обществами очевидны. Но в то же время в многообразии политических проектов и радикальных альтернатив на протяжении десятилетий можно увидеть усилия людей XX века, направленные на то, чтобы найти такие системы социального порядка, которые соответствовали бы вызовам современного индустриального общества. Это привело к появлению чудовищных государственных образований и ужасным жертвам.

Но можно также увидеть и то, что на многие вызовы, столь остро обозначившиеся в два десятилетия перед 1914 годом, в десятилетия после 1945 года были постепенно найдены такие ответы, которые оправдали себя и все чаще встречали одобрение. Это касалось и форм внутреннего политического строя европейских государств, и отношений между ними, и пропорции между экономическим динамизмом и социальной справедливостью, и отношения к массовой культуре эпохи модерна¹. После 1960-х годов западноевропейские общества становились все более похожими друг на друга в плане политической системы, социального устройства, культурных ценностей, экономического уклада и повседневной жизни. Подобные тенденции в зародыше существовали и в странах востока Центральной Европы уже во времена коммунистических режимов, а после 1990 года они начали стремительно набирать силу. Значение этих тенденций сближения и гомогенизации общественного устройства стран Европы более четко осознается в исторической перспективе, нежели оно осознавалось современниками. Но во многих случаях эти тенденции породили и потребность в различиях, потребность в ориентации на национальную историю.

В то же время после «золотой эры» 1950-х и 1960-х годов стала очевидной хрупкость индустриального фундамента этих обществ и появились новые вызовы, которые определяют наше

¹ Под «модерном» здесь и далее понимается не архитектурный стиль, а вся общественная, политическая, экономическая и культурная эпоха между Промышленной революцией и переходом к постиндустриальному обществу, называемая в немецком языке словом *die Moderne*. Этому существительному соответствует прилагательное *modern*, которое здесь переводится как «модерный» (*Примеч. пер.*).

настоящее и, возможно, в еще большей степени наше будущее: конец традиционной индустрии массового производства, экологические кризисы, развитие и последствия всемирной массовой миграции, новые мировые идеологические конфликты после окончания холодной войны, растущее значение наднациональных объединений и формирование глобальных сетей хозяйственной деятельности.

Насколько можно судить по состоянию на сегодняшний день, 2000 или 2001 год не будет представлять собой какой-либо яркой исторической цезуры. Но все же становится очевидно, что в последние двадцать лет XX века завершилось что-то, что началось столетием раньше, и началось нечто новое, чему мы до сих пор не можем дать определение и что пока не можем увидеть в исторической перспективе.

ВВЕДЕНИЕ

Германская история в XX веке поделена на две эпохи, как нельзя сильнее различающиеся между собой. Первая половина была отмечена войнами и катастрофами, подобных которым мир никогда прежде не видел. В центре их стояла Германия, с именем которой с тех пор связаны самые ужасные преступления в истории человечества. Вторая же половина привела наконец к политической стабильности, свободе и процветанию, которые после 1945 года казались совершенно недостижимыми. Попытка найти ответ на вопрос о том, как первая и вторая половины века в Германии исторически соотносятся друг с другом, составляет одну из аргументационных линий, проходящих через всю эту книгу. Если мы попытаемся указать символическую дату, по которой проходит это разделение на две эпохи, то, пожалуй, она пришлась на лето 1942 года, когда с началом «Операции Рейнхард» началось систематическое убийство почти всех польских евреев и одновременно с этим были начаты массовые депортации евреев из Западной Европы в Аушвиц¹. Как развитие Германии могло привести от экономического и культурного процветания страны на рубеже XIX–XX веков к такому падению — это один вопрос. Второй вопрос — как немцы в последующие шестьдесят лет выбирались из этого апокалипсиса.

Разумеется, за пятнадцать или двадцать лет до этого люди не знали и предполагать не могли, что произойдет летом 1942 года.

¹ В соответствии с мировой практикой, здесь и далее в переводе используется немецкое название Аушвиц для этого концентрационного лагеря и лагеря смерти, поскольку он, в отличие от польского городка Освенцима, являлся немецким учреждением. Словом «депортация» (а также иногда «эвакуация») в нацистской Германии, в отличие от СССР, обозначалась насильственная транспортировка людей в концентрационный лагерь или лагерь уничтожения (*Примеч. пер.*).

Это относится даже к антисемитам и национал-социалистам, которых в то время было еще довольно мало. Это ограничивает вопрос «как такое могло произойти» и обращает наше внимание на открытость того, что произошло, на альтернативы и многочисленные окольные пути и боковые переулки истории. Еще в июне 1914 года Первую мировую войну можно было предотвратить. На выборах в рейхстаг 20 мая 1928 года национал-социалисты набрали всего 2,6 процента голосов. Еще осенью 1939 года судьба европейских евреев оставалась неопределенной. Те, кто интересуется только предысторией проблем современности (или того состояния, которое было современностью в некий момент), следуют скрытой телеологии и игнорируют те процессы, которые оказались прерваны, потерпели неудачу или сошли на нет.

В развитии событий между началом века и апокалипсисом массовых убийств нет никакой неизбежности, хотя силы, подталкивавшие к нему, четко прослеживаются. Но точно так же не было неизбежным после 1945 года и возрождение Германии, приход сначала ее западной части, а потом и всей страны к свободе и процветанию. Возможность экономического подъема нельзя было исключать, учитывая промышленный потенциал Германии, хотя, учитывая разрушения в конце войны, мало кто в него верил. Но то, что удастся вновь пробудить в этом народе и его правительстве чувство, позволяющее ценить демократию, правовое государство и человеческое достоинство, и реализовать их на прочной основе, казалось тогда почти невыполнимым. Наблюдаемая в ФРГ медленная трансформация из общества, находившегося под определяющим влиянием национал-социализма, во все более западное либеральное общество, является одним из самых замечательных процессов этого столетия, который тем более поражает, чем яснее мы видим, насколько в действительности тяжелым было бремя кадрового и ментального наследия нацистской диктатуры.

Вторая половина XX века тоже была разделенной, хотя и по-другому, и в результате этого разделения Германии жители ее восточной части получили возможность наслаждаться той свободой и процветанием, которые были у западных немцев, лишь в конце столетия. После 1945 года людям в Западной

Германии жилось гораздо лучше, чем в Восточной, хотя в этом и не было их собственной заслуги: они были обязаны этим прихоти судьбы и оккупационных властей; и вскоре стало казаться, что немцам на востоке страны приходится в одиночку расхлебывать последствия войны. При этом история ГДР была не менее, а скорее даже более тесно связана с 1945 годом, чем история ФРГ, — потому что Германская Демократическая Республика была продуктом одновременно и оккупационной политики Советского Союза, и реакции немецких коммунистов на фашизм и войну. Представленный в этой книге очерк далек от того, чтобы претендовать на роль сравнительной истории двух немецких государств. Но совершенно неизбежным образом связи между ними, их переплетения и антагонизмы играют в описываемой истории не меньшую роль, чем различия и сходства.

Эта первая линия аргументации, которой следует данная книга, несомненно, имеет исключительно немецкую специфику. История Германии в этом веке отличается от истории всех других стран и не растворяется в европейской истории. Однако это и европейская история *тоже*, и поэтому вторая линия аргументации в этой книге находится в противоречии с первой, поскольку пересекает разлом 1945 года.

Эта линия связана со становлением индустриального общества на протяжении двух десятилетий, предшествовавших Первой мировой войне, и с влиянием этого фундаментального переворота на экономику, общество, культуру и особенно политику Германии в XX веке. В отличие от предыдущих десятилетий тенденции, присущие индустриализации, с начала века больше не ограничивались отдельными группами и несколькими регионами, как прежде, а меняли жизнь почти *всех* людей, причем меняли на протяжении жизни одного поколения и более всеобъемлюще, чем когда-либо в истории.

Интенсивность и динамика этих изменений ставили перед современниками необычайно трудные задачи. Политические, социальные и культурные движения последующих десятилетий, отличавшиеся большим радикализмом, следует понимать прежде всего как попытки отреагировать, ответить на эти вызовы. Изменения воспринимались, с одной стороны, как невиданный

прогресс, но, с другой стороны, как глубокий, экзистенциальный кризис буржуазного общества. Поиск такой модели политического и социального устройства, которая отвечала бы этим стремительным изменениям и сулила бы одновременно безопасность и динамизм, равенство и рост, определил облик последующих десятилетий.

При этом либерально-капиталистическая модель в Германии в значительной мере утратила легитимность и убедительность после Первой мировой войны, инфляции и особенно после Великой депрессии. Она столкнулась с конкуренцией со стороны радикальных альтернатив и слева, и справа, противопоставивших множественности и разнообразию общественных форм принцип единства и дихотомичности, сформулированный в категориях класса или расы. Значительную часть истории Германии XX века можно интерпретировать как историю этой конкуренции. В ней национал-социализм и коммунизм воплощали не «антимодернистские» общественные формации, а *иные* проекты установления порядка в современном мире: такие, в которых либеральная триада — свободная экономика, открытое общество и ценностный универсализм — в каждом случае ломалась специфическим образом. Оба проекта следует рассматривать как сконцентрированные ответы на динамику изменений, нараставшую с начала века, радикализованные опытом Первой мировой войны и противостоянием с другими, конкурирующими проектами общественного устройства.

Благодаря победе и превосходящей военной и экономической мощи Запада, прежде всего США, принципы либерального, демократического капитализма были после Второй мировой войны восстановлены, и в Германии, как и во всей послевоенной Европе, они обрели такую притягательную силу, которой в 1930-х годах и представить себе было нельзя. Но только когда свободная рыночная экономика и либеральная политическая система продемонстрировали в 1950-х годах свою устойчивость и успешность, либеральный выбор фактически возобладал в Западной Германии. В облике «социальной рыночной экономики» он явно конкурировал с концепцией советского социализма, реализовавшейся в ГДР, и был интегрирован в глобальное противостояние холодной войны.

Так, в Западной Германии, подобно большинству западноевропейских обществ, постепенно сформировалась модель, которая объединяла капитализм и социальное государство, сочетала либеральные идеи со все более далеко идущими концепциями планирования и связывала ориентацию на национальное государство с участием в европейской интеграции. Она рассматривалась как история успеха, однозначности и последовательности и по-прежнему была ориентирована на вызовы индустриального общества, сложившегося в конце XIX века. Зенита своего развития классическое индустриальное общество достигло в 1960-х годах, а затем стало все больше утрачивать свои позиции ведущей модели. Неоспоримое прежде главенство тяжелой промышленности и массового индустриального труда пошатнулось, и модель индустриального прогресса уперлась в свои границы — как в Западной Германии, где закрывались шахты, сталелитейные компании и верфи, так и в ГДР и других странах советской империи, которые в своем политическом и социальном устройстве были полностью ориентированы на тяжелую промышленность и массовый труд и которые тоже рухнули, когда разрушилось классическое индустриальное общество. Либеральный капитализм Запада оказался более гибким и с 1970-х годов адаптировался к новым условиям эпохи, наступившей после окончания царства тяжелой индустрии. С тех пор в болезненном процессе трансформации стали обретать очертания зачатки новой модели, характеризующейся первенством сектора услуг, глобализацией экономики и возвращением радикально рыночных моделей. Исход этого процесса до сих пор во многом непредсказуем.

Эта вторая линия аргументации позволяет понять период между 1890 и 1990 годами, который мы называем «высоким модерном», при всех политических различиях и трансформациях, как историческое единство и связать друг с другом очень разные процессы в экономике и политике, обществе и культуре. Это позволяет разглядеть и понять связи между первой и второй половинами столетия, не игнорируя двух мировых войн, нацистской диктатуры, режима ГДР или триумфа социально обновленного, демократического капитализма.

Даже из этого краткого обзора становится ясно, что речь идет о транснациональных процессах; поэтому исключительный

фокус на истории Германии, безусловно, требует оправдания. Еще несколько лет назад все было иначе, потому что интерес общественности и специалистов по современной истории в этой стране был, как нечто само собой разумеющееся, направлен на современную немецкую историю. Последовательность этапов — кайзеровская Германия, Первая мировая война, революция, Веймарская демократия, нацистская диктатура, Вторая мировая война, Холокост и, наконец, разделение и воссоединение Германии — содержала в себе такое количество великих и драматичных событий с такими далеко идущими последствиями (и непроясненными взаимосвязями), что под «историей XX века», как правило, понимали историю Германии. Несомненно, это европейское столетие невозможно понять без детального знания истории Германии. И даже если человек с большим подозрением относится ко всем историко-политическим конструкциям идентичности (тем более если они основаны на фикции естественных единств), все равно жизненный мир человека и его культура остаются связаны со страной, в которой он вырос и живет, и с ее историей.

Однако требование ориентироваться на национальную историю как на нечто само собой разумеющееся является анахронизмом, даже если многообразные попытки уйти от немецкой истории и от ее последствий путем утверждения европейской или универсальной идентичности признавать попытками бегства. Уже одно только постоянное обращение к таким категориям, как «индустриальное общество», «урбанизация», «империализм», «миграция» или «холодная война», показывает, что историю этого века невозможно понять в рамках национальной парадигмы, и это особенно относится к Германии, при всей ее специфике.

Тем самым мы возвращаемся к проходящим через всю книгу двум линиям аргументации: они показывают, что не может быть какого-то одного-единственного тезиса, которым можно было бы обобщить опыт немецкого XX века. Такой обобщающий тезис не соответствовал бы разнообразию, противоположно направленным движениям, нечеткости и, прежде всего, случайности рассматриваемых здесь процессов. Но есть некоторые темы, которые прослеживаются на протяжении более или менее длительных периодов: это и уже упоминавшийся вопрос

о взаимоотношениях между индустриальным обществом и политическим строем, и вопрос о подъеме и упадке немецкого радикального национализма; вопрос об отношении к модерной культуре и массовому обществу, вопрос о динамике насилия и войны; вопрос об отношениях между своим и чужим; вопрос о конвергенции развитых индустриальных обществ. В книге сделана попытка интегрировать друг с другом различные классические области исследования — политику, общество, экономику и культуру — и показать взаимосвязи между этими областями. Культура при этом понимается в широком смысле — как рефлексия и переработка общественных процессов в искусстве, науке, общественных дискуссиях и образе жизни.

Кстати, противоречиво разнообразие XX века проявилось и в попытках выбрать броское название для этой книги. Все эти попытки не увенчались успехом, потому что нельзя свести к одной фразе весь XX век. Было, пожалуй, одно исключение: автор хотел бы назвать книгу «Годы, которые вам знакомы». Это аллюзия к книге Петера Румкорфа 1972 года, в которой тот объединил свои воспоминания о 1960-х годах со стихами и всевозможными размышлениями. Но это заглавие защищено авторским правом, тем более что книга Румкорфа была переиздана в 2000 году, и в таком захвате названия, несомненно, было бы что-то неприличное. Так получилось, что эта книга теперь сухо называется «История Германии в XX веке», и этим точно сказано, о чем она. Однако заглавие «Годы, которые вам знакомы» указывало бы на сложные отношения немцев со своим XX веком — с той современной историей, которая никогда не проходит. Пусть год выхода этой книги отделяют от начала Второй мировой войны 75 лет¹, но если вы посмотрите газеты и телевизионные программы, то не будет ни одного дня, когда не поднималась бы тема войны, послевоенных лет или нацистского режима. Первая мировая война началась 100 лет назад, а сегодня, в юбилейный год, она заполняет обложки журналов и ей посвящена, наверное, не одна сотня новых книг. И даже события, обозначаемые кодом «1968», вовсе не считаются ушедшими в прошлое:

¹ Имеется в виду первое немецкое издание книги, вышедшее в 2014 году (Примеч. пер.).

все, что в Западной Германии идет не так, по-прежнему надежно объясняется ссылкой на то, что происходило тогда. Даже те, кто не имеет почти никакого представления (или, во всяком случае, верного представления) об этой истории, имеют о ней мнение. Поэтому у истории Германии в XX веке очень специфический круг современников, который почти не зависит от возраста и на который необходимо обращать внимание, хотя бы критическое. Задача этой книги не в том, чтобы представить читателям нечто новое, сенсационное. Преимущество исторического взгляда заключается скорее в том, что благодаря расстоянию и множественности перспектив можно открыть новые взаимосвязи и обнаружить долговременные процессы и изменения в условиях жизни, политических ментальностях или культурных ориентациях, значение которых часто даже не осознавалось современниками.

Книга разделена на пять частей, границы между которыми приходится на 1918, 1933, 1945, 1973 и 1990 годы. Внешняя структура следует политическим датам, а ход авторской мысли — как правило, нет. Как и во всех томах этой серии, в каждую часть вставлены главы, дающие синхронный поперечный срез времени. В них отдельные годы или периоды — 1900, 1926, 1942, 1965 и 1989–1990 — рассматриваются более подробно и вне связи с политическими процессами.

Поскольку работа над рукописью, неоднократно прерывавшаяся, заняла гораздо больше времени, чем планировалось, автор был вынужден постоянно бежать вдогонку за историей и историографией: рассказ приходилось исправлять с учетом вышедших новых исследований, расширять или по-другому представлять акценты. *Vonmot* о том, что Сизиф на самом деле был счастливым человеком, явно придумал не тот, кому довелось писать обзорную монографию по современной истории. Порой, работая над более поздним периодом, приходилось переделывать и то, что было написано о более раннем. Никогда еще автор так ясно не осознавал, что значит, когда говорят, что история — это конструкт. И все же источники и люди прошлого, чьи голоса звучат в них, постоянно напоминали ему о том, что их история действительно была и что этос историка требует всерьез отнестись к ответственности, которую это на него налагает.